

УДК 81.1 : 811.161.1 (575.2) (04)

НЕЛИНЕЙНЫЕ СВОЙСТВА РЕЧИ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ СОВРЕМЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

А.Э. Гатина, А.О. Орусбаев

Рассмотрен признак нелинейности речи, понимаемый как разнородность ее составляющих, связанная с операциями перекодировки смысла в речевом сознании. Это перекодировки разного порядка: с высказывания на контекст, синестезия, совмещение разноязычных элементов, вставные тексты, иконичность структуры высказывания.

Ключевые слова: нелинейность и линейность речи; языковой ход; языкознание.

Цель статьи – раскрыть взгляд на речь как комбинирование разнокодовых знаков внутри единой коммуникативной целостности, которая, во-первых, включает две равнозначных составляющих: а) семиотизированный невербальный контекст, активизирующий визуально-пространственный код восприятия, и б) текст-сообщение, организующий вербальные знаки по принципу синестезии – перекодировки линейного (временного) и пространственного (визуального и тактильного) кодов восприятия; во-вторых, может воплощать в себе свойство гипертекстовости.

Как известно, принцип линейности языкового знака был провозглашен Ф. де Соссюром в отношении означающего (плана выражения) знака: “Означающее, являясь по своей природе воспринимаемым на слух, развертывается во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно обладает протяженностью и б) эта протяженность имеет одно измерение – это линия” [1, 103].

Принцип линейности означающего знака был перенесен также на знак в целом и на синтагматические образования в речи и был введен до постулата. Постулат о синтагматике – парадигматике гласит, что “отношения между единицами в речевой цепи основаны на линейном характере языка, исключающем возможность произнесения более чем одного элемента одновременно ... Синтагматические отношения, – пишет Ю.С. Степанов, – это линейные отношения между единицами в потоке речи”, подобные логической конъюнкции (*и-и*). Это отношения сосуществования и последовательности во времени” [2, 260]. Например, *Пришел, увидел, победил.* –

глаголы активного действия в форме прошедшего времени, совершенного вида один за другим (последовательно) реализуются, соединенные бессоюзно в одну синтагму (сосуществуют).

Однако если учитывать, что в речи знаки языка представляют не только синтагматические отношения означающих, но, как утверждал Ф. де Соссюр, отношения некоторых значимостей¹, то, следовательно, в речи всегда присутствует ассоциативная составляющая – операция отождествления с некоторой функциональной сущностью. Одновременно с этим в речи при отождествлении элемента речевой цепи имеет место и ассоциация данного элемента с его позицией и прочими условиями существования этой единицы в синтагматике (речи). Учитывая наличие недискретных явлений в языке (паронимия, синкретизм в грамматике), Ю.С. Степанов формулирует новый постулат о синтагматике-парадигматике: “Будучи протяженным, языковой

¹ “Когда кто-либо говорит *marchons!* (“идем!”), он, сам не осознавая того, обращается к ассоциативным группам, на пересечении которых находится синтагма *marchons!* Эта синтагма, с одной стороны, значит в ряду *marche!* (“иди!”), *marches!* (“идите!”), и выбор определяется противопоставлением формы *marchons!* этим формам; с другой стороны, *marchons!* вызывает в памяти *montons!* (“взойдем!”), *mangeons!* (“съедем!”), внутри которого она выбирается аналогичным образом ... В действительности понятие вызывает не форму, а целую скрытую систему, благодаря чему возникают противопоставления, необходимые для образования нужного знака” [Соссюр 1977: 162].

элемент, входя в оппозиции в парадигматике, соответствует не просто месту в речевой цепи, но месту определенной протяженности. Протяженность присутствует, таким образом, как в синтагматике, так и в парадигматике...» [2, 260], т.е. сохраняет свойства физической сущности.

Применительно к нашему исследованию, мы могли бы сказать, что протяженность в речи – это такое целое, которое узнается в речи как единое нелинейное (иконическое) образование, которое может включать и вербальные, и невербальные знаки. Например, речевая ситуация “А” как часть целого речевого акта “АБ” (или “Ав”, “Ас”, “Ад”). Скажем, в речевой ситуации “Приветствие при встрече” (“А”) речевые формулы (“в”, “с”, “д” – *Здравствуйте, Добрый день, Привет*) отождествляются говорящими как функционально равные (“Б” – формула приветствия) в речевой ситуации “А”. Так что “АБ” есть целое, “протяженность”, где любой из элементов: “в”, или “с”, или “д” – соответствует не только “Б”, но и целому “АБ”, т.е., по Степанову, “протяженности”. В данном примере “АБ” (речевая ситуация “Встреча” и речевая формула “Приветствие”) – это недискретное с точки зрения коммуникации образование, иконический знак (в частности, так называемый речевой акт “Приветствие”).

В таком случае, если линейность речи означает цепочную последовательность (следование во времени) дискретных вербальных элементов при их сочетании, то принципиальная *неоднородность* речи, возникающая вследствие сопутствующих ассоциаций вербальных элементов с их позицией и прочими условиями их реализации в потоке речи, которые создают недискретный образ целого высказывания (иконического знака), – такая неоднородность понимается нами как *нелинейность речи*. Нелинейность речи проявляется в динамическом аспекте при восприятии в виде *свойств целостности* (неоднородность и иконическая недискретность), включающей линейные вербальные знаки и сопутствующие им условия существования в потоке речи (вербальный и невербальный контекст), создающие не “протяженность”, а скорее, единое речевое пространство.

В науках (физике и синергетике) *нелинейность* означает “многовариантность путей эволюции открытой сложной нелинейной системы и возможность выбора альтернатив”. “Нелинейная система”, соответственно, – такая, которая 1) имеет “потенциальную способность к реализации нескольких путей своего развития; 2) параметры которой зависят от переменных величин, характеризующих ее состояние” [3, 33; 47].

Представляется, что данное толкование свойства нелинейности и нелинейных процессов в естественно-научном понимании вполне согласуется и с характеристиками речи. Действительно, в речи с точки зрения получателя (процессов декодирования, восприятия) сильны тенденции вероятности. В самом деле, часто “нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...”, какое слово (фрагмент речи) для слушателя окажется ключевым и послужит толчком, стимулом к реальному “развороту” темы (так сказать, “точкой бифуркации”). Это один из моментов “произвола”¹, творчества говорящих. Так проявляется “потенциальная способность к реализации нескольких путей своего развития нелинейных систем”. Но, с другой стороны, для говорящего вектор развития его собственного коммуникативного замысла ясен. И говорящий – инициатор речи – в этом смысле отчасти управляет вербальным общением (задает линию, альтернативу развития речевого взаимодействия). Но тоже лишь отчасти, поскольку соответствующие “внешние” условия речи/контекст как обязательная компонента речи – переменчивы и влияют на характеристики речи в целом. Так что и в аспекте говорящего тоже наблюдается нелинейность – зависимость свойств целого (системы) от параметров контекста (переменных величин).

Так, в примере:

Пассажир: *Вы, видимо, давно тут сидите, у вас уже просто внутри накопело, и вы, наверное, друг друга понимаете с полуслова, – так слаженно вы мне все обрисовываете!*

Пассажир 2 (как-будто испугавшись): *Слаженно?*

Пассажир 1 (с издевкой): *Слаженно!*

После этого все долго молчат

Пассажир: *Сколько времени?*

Пассажир 1: *А какое это сейчас имеет значение? Все равно никто никуда не успеет. Вам куда нужно было успеть?*

Пассажир: *Какая разница? Мне просто нужно было успеть. Я хотел перелететь из этого места в другое... По работе, встретиться... Здесь меня проводили, жена собрала чемодан, проводила и будет ждать завтра, там меня будут ждать через три часа, но там я, видимо, не буду через три часа...*

Пассажир 1: *Не будете!*

¹ “Изучая тексты, речь, мы изучаем не сам язык, а “произвол” говорящих, но (парадокс!) другого пути и способа изучать язык просто нет: сам язык – ненаблюдаем” [4, 45].

Пассажир 2: Нет, не будете! (Пресняковы “Терроризм”) –

– мы наблюдаем, как нескладно происходит речевое общение коммуникантов. Пассажиры 1 и 2 по-разному (*как будто испугавшись; с издевкой*), но оба отрицательно реагируют на реплику Пассажира, который, вероятно, ожидал, что с ним согласятся. Дальнейшие вопросы собеседников возникают тоже как будто “не в тему”:

1) *Сколько времени?*

– *А какое это сейчас имеет значение?;*

2) *Вам куда нужно было успеть?*

– *Какая разница?*

Все дело в конституции: все пассажиры раздражены и раздосадованы оттого, что их вылет задержали из-за каких-то террористов и дополнительных проверок в аэропорту.

Речевая деятельность человека всегда представляла сложность для изучения, поскольку речевое общение – производное от многих факторов, образующих контекст высказывания.

Как известно, особенности восприятия и переработки речи обеспечиваются асимметрией функций головного мозга. “В процессе понимания языковых текстов в головном мозгу осуществляется два ряда взаимно дополняющих друг друга процессов. С одной стороны, – отмечает В.К. Нишанов, – это лингвистическая и логическая обработка языкового материала, происходящая преимущественно в левом полушарии, а с другой, – анализ имеющихся в памяти готовых образов (смыслов) и, по-видимому, построение новых образов, характерные для правого полушария” [5, 70]¹.

¹ “... Сравнительный анализ понимания метафор и идиом, с одной стороны, и решение силлогизмов – с другой, в условиях изолированного функционирования левого и правого полушарий мозга, показал особую роль в процессе осмысления правого “образного” полушария, долгое время считавшегося неречевым. Правое полушарие – ... возможный носитель метафорического (архаического, мифологического, “комплексного”) сознания – помнит идиомы и необходимо участвует в дешифровке метафор, пользуясь при этом не поэлементным, лингвистическим анализом, а целостным, комплексным гештальтным” [6, 81]; в свою очередь, эксперименты по восприятию и осмыслению пространства показали, что правое полушарие формирует перцептивное пространство. Это пространство является иконическим образом реального физического пространства, а вот левое полушарие формирует концептуальное пространство и является символическим отображением реального физического пространства и строится на базе символической знаковой системы – языка [5, 69-70].

В так называемой “теории двойного кодирования” утверждается, что существующие независимые системы кодирования – вербальная и невербальная – функционируют разными способами и каждая из них *специализируется* в кодировании, организации, хранении и воспроизведении разных типов информации. “Обе системы имеют специфичные входы и единицы репрезентации... В невербальной системе объекты хранятся как интегративные, континуальные, холические репрезентанты, которые не могут быть разделены на отдельные элементы ... Между обеими системами существуют связи ... Разные задачи адресуются либо одной из систем, либо обеим. В том случае, если работают обе системы процесс когнитивной переработки осуществляется эффективней” [7, 9].

Очевидно, что на уровне восприятия обе кодирующие системы некоторым образом “*приравниваются*” к общему знаменателю, каковым, скорее всего, служит внутренний метаязык (или так называемый универсальный семантический код)², трансформирующий и значение вербаль-

² Н.И. Жинкин выделяет “универсальный предметный код”, с помощью которого, по его словам, осуществляется “преобразование непосредственно мыслимого содержания о действительности в знаки речи и наоборот. Этот перевод в знаки речи совершается во внутренней речи... По мере формирования предметного кода внутренняя речь становится механизмом управления интеграцией субъективных единиц языка” [8, 65-66]. При этом он обращает внимание на согласование в регулировании работы речевой коры в процессе формирования нервного механизма. “Главная задача этого регулирования, – пишет Н.И. Жинкин, – состоит в том, чтобы информационный опыт, накопленный в результате воздействия окружающей действительности, согласовать с той информацией, которая освоена внутренними механизмами. Для речи наиболее существенными являются три группы механизмов – слуховые, зрительные и двигательные (артикуляторные и общедвигательные). На начальных нижних уровнях речи особое значение имеют звуковые и артикуляторные. На верхних уровнях, в особенности при усвоении лексики, возрастает роль зрительных представлений. Слышимая речь может быть представлена в виде наглядных образов, что способствует семиозису” [8, 71]. “По мере усвоения языка произвольно вводится вся его парадигматика и синтагматика. К трем годам жизни у человека образуется навык интеграции речевых единиц по определенным правилам универсального предметного кода” [8, 76].

ного текста (знаков), и значение невербальных знаков, благодаря чему создается полная картина смысла, оформляемого в речевом потоке в условиях контекста (как для говорящего, так и для слушающего). Предполагаемый внутренний метаязык – интерпретативная система в речевом сознании человека – скорее всего, есть та управляющая система, или, говоря компьютерным языком, “программа”, в которой все коды равноценно значимы, если они актуализируются в данный момент речи. В связи с этим изучение *неоднородного контекста высказывания* в потоке речи в равной степени необходимо для адекватного представления языка как одного из средств коммуникации, наряду с другими кодирующими системами. Можно утверждать, что в речевом общении вербальное сообщение и контекст образуют *единое целое*, которое имеет определенные типизированные черты¹.

До сих пор, однако, остается открытым вопрос о “системности” контекста, о возможности описать все релевантные элементы контекста как некоего образования, *регулярно коррелирующего* с системой вербальных знаков в речи, в дискурсе.

Исследователи полагают, что способность человека одновременно воспринимать и синтезировать разнохарактерную информацию в потоке речи обусловлена биологическими особенностями работы мозга человека, развитыми в процессе эволюции. В этом плане интересны рассуждения Вяч. Вс. Иванова, который пишет: “Удивительность человеческого языка с эволюционной точки зрения состоит и в том, что органы, ставшие нужными для речи (но в начале имевшие другие функции), были использованы в качестве клавиатуры столь сложно построенного инструмента. Рядом с этим шло и *развитие управляющих ими систем* (выделено нами. – А.Г.). Новые исследования позволяют отнести формирование таких частей нейролингвистической организации человека, как речевая зона

¹ У.Л. Чейф в работе “Память и вербализация прошлого опыта”, показывая, что и восприятие, и вербализация субъективного опыта (знания и память) носят интерпретирующий характер, “выкристаллизовываются” посредством операций расчленения и выделения эпизодов, пишет: “... Мы переводим в вербальную форму то, что изначально имело, быть может полностью или частично, невербальный статус” [9, 35], т.е. любая информация, сохраняемая в памяти и затем извлекаемая из памяти как знание, всегда некоторым образом категоризируется в типизированных формах.

Вернике², по меньшей мере на 8 млн. лет вглубь нашей эволюционной предыстории. А специфический нервный путь фильтрации звуковой информации с целью обнаружения в ней полезных коммуникационных сигналов (в отличие от других, в частности от используемых для ориентации в пространстве) восходит к гораздо более ранней предыстории приматов (он был обнаружен сперва у обезьян и лишь недавно получил подтверждение в исследованиях *параллелизма оптического и акустического восприятия* (выделено нами. – А.Г.) у человека). Среднее число фонем в языках мира (от 11 – 15 ... в языках тихоокеанского и частично южноамериканского ареала ... и до 81 в абхазском) соответствует среднему числу сигналов у приматов и других млекопитающих. Но в дочеловеческих системах каждый сигнал имел свою смысловую функцию, а у человека фонемы служат для различения элементов высших уровней – словоформ. Развитие у человека пошло по пути не увеличения числа элементов системы, а введения иерархических уровней, надстроенных над запасом, который унаследован от более ранних этапов эволюции” [10, 23–24].

Сложная структура мозга человека обеспечивает функционирование многопланового механизма речи. Речевое общение включает различные процессы. Например, М. Даскаль и И. Беренштейн показывают, что для процессов общения характерны два типа понимания: осмысление (*comprehention*) и схватывание (*grasping*). Первое предполагает выполнение субъектом определенной последовательности лингвистических и внелингвистических правил и норм, а второе зависит от способности субъекта ставить себя на место говорящего, в его стремлении увидеть мир глазами собеседника [5, 27]. Это, конечно, связано с процессами *одновременной* обработки как рациональной, так и иррациональной, эмоциональной информации, относящихся к линейно-временному и визуально-пространственному кодам восприятия.

Еще в 1965 году американский специалист по кибернетике К. Шеннон говорил, что при решении проблемы общения человека с машиной трудность состоит в том, что “машину необходимо снабдить какими-то органами чувств, *эквивалентными нашему глазу и уху* (выделено нами. – А.Г.). Иными словами, она должна научиться

² Речевая зона Вернике расположена в левом полушарии головного мозга, в височной части, отвечает за восприятие чужой речи [11, 106-107].

воспринимать зрительную и слуховую информацию непосредственно, а не в закодированном виде... А ведь чтобы машина стала “зрячей”, нужно ... научить ее сопоставлять информацию, полученную из внешнего мира с той, которая заложена в машину..., увидев какой-то объект, машина должна и “опознать” [Цит. по: 12, 190]. В речевом механизме работает множество анализаторов, которые непосредственно о чем-то анализируют наравне со словом, но говорящие не привыкли особенно придавать этому значение. Тем не менее, это факт, что собеседники всегда реагируют и на тембр голоса, и на интонации, взгляд, позу, жесты друг друга, на окружающую обстановку – словом, на иконические невербальные знаки. Так устроен наш мозг. А в машину всю эту информацию необходимо вводить в закодированном виде. В художественном описании внимание к невербалике – важный прием словесного изображения.

Ср.:

“Меня отцовские доводы не убедили, но интонация, с которой он говорил, и его выражение лица при этом вносили сомнения. Он, чувствовалось, знал, о чем говорил...” (Е. Гришковец. Дарвин).

Или:

“Он не сразу вошел. Он в дверях остановился, оглядел нас внимательно, очень искренне улыбнулся, кивнул и беззвучно прошевелил губами “здравствуйте”. Мы сразу встали, как встают ученики при входе учителя. Он тут же жестами и мимикой попросил нас сесть, улыбнулся еще веселее и медленно, стараясь не произвести никакого шума, затворил за собой дверь.

Он был... На него приятно было смотреть! Я увидел немолодого человека, ростом чуть выше среднего, крепкого телосложения и с круглой очень кудрявой головой, которая при всей ее кудрявости была очень хорошо пострижена.<...> Вся его одежда была, как из кино, а не из местных магазинов или с местного рынка. Все это ему очень шло и очень нравилось мне.

-Здравствуйте,- сказал он тихо, но отчетливо. У меня снова возникло желание встать.” (Е. Гришковец. Дарвин).

Ср. также:

“Как я уже сказал, посещал спектакли. В обморок я, конечно, от увиденного не падал, но запах формалина, мне казалось, преследовал меня и исходил обильно из всего мною увиденного и услышанного.” (Е. Гришковец. Дарвин).

В современном обществе на осмысление механизмов перекодировки семантики в речевом сознании повлияло использование технических средств. Оказалось, что компьютерные технологии, которые сначала разрабатывались по модели механизмов интеллектуальной и речевой деятельности человека (как, например, в [13]), теперь открывают путь для нового описания скрытых от наблюдения особенностей речевого механизма, помогают точнее охарактеризовать саму речь¹, тесно связанную с когнитивными способностями (например, такими, как память, “формат” хранения знаний и проч.)².

Использование мультимедийных средств в общении, особенно Интернет-связи (гиперсреды), не просто изменили наши представления о границах коммуникативного пространства и времени, но повлияло также на способ мышления (о чем говорят, например, такие определения способа ментального отображения, как “виртуальная реальность”, “клиповое сознание”, “визуализация” и проч.).

Инновации в общении становятся особенно заметными, так как с помощью технических средств воздействующий эффект тиражируемых текстов (в форме рекламы, новостных TV-сообщений, публичных выступлений и др.) уси-

¹ Конечно, внедрение компьютерных технологий в мир людей прибавило и новые проблемы гуманистического порядка (например, в художественных фильмах Спилберга (“Искусственный разум”) и Эндрю Никкола (“Симона”) решается проблема осознания уникальности подлинного человеческого общения, состоящей в духовности, которую едва ли возможно сконструировать).

² В.К. Нишанов исследуя, механизм понимания как “синтез определенной целостности”, отмечает: “Будучи первоначально предназначенными для машинного отображения и переработки знаний о стандартных, стереотипных ситуациях и сюжетах (М. Минский), фреймовые концепции в последнее время стали получать весьма широкое психолингвистическое обоснование, далеко выходящее за рамки компьютерных задач. Высказывается предположение о том, что фреймоподобные структуры должны быть характерны и для человеческого интеллекта... Для моделирования понимания и связанного с ним компьютерного представления знаний приходится использовать многомерные структуры (фреймы, скрипты и т.п.), которые могут быть описаны с помощью линейного текста, но сами таковыми не являются” [5, 71].

ливается. Текст креолизуется¹. В свою очередь, это требует и от субъектов общения значительной мобилизации их коммуникативных способностей, связанных с различными *перекодировками* (при восприятии, понимании и переработке информации)² в виде линейного, вербального, высказывания, а также идеографических знаков (фотографий, движущейся картинки и проч.).

Разнокодовые сигналы (лингвистические и экстралингвистические), множественные приемы и средства усиления воздействующего эффекта в потоке общения целенаправленно *синхронно* (или почти синхронно) используются в одном фрагменте дискурса – и в структуре высказывания, и в речевой ситуации. И при этом параллельно соотносятся с определенной информацией. Между ними существует согласованность, или когерентность. Так, в современной ТВ-рекламе даже вкусовые ощущения, вызываемые на основе синестезии – перекодировки в зрительную и слуховую формы, становятся источником определенной коммуникативной информации. Например, бульканье падающей струи и шипение пены (слуховые ощущения), а также зрительно воспринимаемые капли на запотевших стенках бокала, в который наливают пиво, – все эти сигналы, совмещенные в одном кадре со звучащей фразой “Холодное пиво” – вызывают определенные вкусовые ощущения (из рекламы пива “Балтика”). Поэтому исследователи рекламы справедливо отмечают: “Вербальные и невербальные знаковые системы нередко вступают между собой в чрезвычайно сложные отношения с одной целью – оказать на реципиента *кумулятивное* (выделено нами. – А.Г.) воздействие и заставить его воспользоваться предлагаемой услугой или приобрести рекламируе-

¹ Креолизованный текст в речевом общении, по словам Е.Е. Анисимовой, “предстает сложным текстовым образованием, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата” [14, 17].

² Не случайно современную активную, мобильную молодежь называют “продвинутой”, или поколением *next*. Одна из компаний – оператор сотовой связи в Кыргызстане взяла название NEXI – как производное от английских слов *next intelligence* (*next* – будущий, следующий; *intelligence* – ум, мышленность). “NEXI – «интеллект нового поколения». Девиз компании: «Мобильная связь NEXI – скорость мысли» (из рекламного проспекта).

мый товар” [15, 36]. Таким образом, принимая особый статус формы выражения определенного содержания, принцип мультимедийности получает семиотическую значимость.

Раньше всего это осознали писатели-драматурги, кинорежиссеры, которые конструируют реальность не только “в слове”, но используют видеоряд, мизансцену и звуковые эффекты, т.е. задействуют все коды восприятия, раздвигая границы текста с помощью монтажа. Драматургический же текст – в основе своей семиотическое многокодовое действо. В этом смысле такие понятия, как *гиперпространство*, *гиперсреда*, *гипертекст*, *мультимедийность* сыграли роль когнитивных метафор в объяснении сложных механизмов речи и коммуникации.

Соответственно, в лингвистике стоит задача – проследить, каким образом сам *принцип перекодировки осваивается в виде символического знакового средства*, получает “удвоение”, т.е. семиотизируется, что позволяет использовать его как лингвистический прием воздействия в структуре высказывания. Так, в современной рекламе активно используется прием совмещения в одном тексте (на русском языке) лексем из киргизского и английского языка, которые в тексте выполняют функцию непереводаемого иконического знака – эмблемы. Эти единицы другого кода семантизируются как символично-эмоциональные образы в структуре вербально-рационального текста. Например:

“*Saima-card*. Универсальная телефонная карта. Мы делаем вас ближе.”

(В тексте рекламы имеется также изображение самой карты. Рисунок на телефонной карте напоминает изображение буквы “Т”). *Сайма* в киргизском языке означает “вышивание”, *card* – в английском языке “карта, карточка”. Значение киргизского слова *сайма* вызывает в сознании образ связного узора, созданного вышивальной нитью. Однако написанные латиницей, в структуре всего рекламного текста оба слова играют роль недискретного беспереводаемого знака в экспрессивной функции. Даже если получатель не знает киргизских и английских слов, в этом тексте их перевод не требуется, так как семиотически значимым является сам другой код – как “иностраный” элемент в функции выделения названного этим знаком нового вида услуги, удобной для широкого пользователя (*универсальная, вас*).

Описанный прием совмещения – включения в текст на языке L1 элементов из языка L2 (L3 и т.д.), не вычленимых из структуры целого, – придает всему тексту характер недискретного,

нелинейного образования. Этот способ построения нелинейного текста используется не только в рекламе. (Ср. еще аналогичные примеры:

“*Casino Vegas. Игра в удовольствие*”; “*Строительная компания “HAS Kurulush”. Джал-Салкын-Төр. Жилой комплекс. Для комфортной жизни*”).

Подобное совмещение разных языковых кодов в высказывании говорящего – широко распространенная норма живой речи. Современная речь в этом смысле – принципиально разнокодовое, т.е. нелинейное, построение.

С позиции современного знания, к разным кодам мы можем отнести феномен вставного текста – включение текста иного типа (“чужую речь”, цитацию, аллюзии) в структуру целостного высказывания. Вставной текст как носитель другого кода естественным образом воспринимается в речи благодаря привычной для человеческого мозга способности одновременно обрабатывать разнородную информацию и благодаря семиотизации самого приема переключения кодов в целостной структуре для выражения новых смыслов [16, 73–76].

Речь (живое общение, дискурс) нелинейна и в том смысле, что структура смысловых связей осуществляется посредством перекодировок. Это ведет, кстати говоря, и к размытости структурных границ высказывания и движению информации по различным направлениям.

Например:

“Тока мама никогда не предаст, тока мама, ... тока мамочка...” А сами писали письма, какие-то письма, подписывали на обратной стороне фотографии “пусть напомнит тебе обо мне неподвижная личность моя” и отправляли в какие-то города, которые Бог знает где... В такие города.... Которые, когда подъезжаешь к ним ночью, видны точками освещенных окон. **И все эти окна желты...** Такой свет..., от которого хочется развернуться и ехать в темноту. А иногда едешь по центральной улице такого города и, вдруг, глянешь в окно второго этажа, и видно – это кухня. А шторы такого цвета..., и обои..., и абажур оранжевый, пластмассовый, а у окна спина мужика на секундочку мелькнет, в майке, голубой... наверное. **И все известно**..., о чем там говорят, что там в холодильнике, что на столе..., и какая посуда стоит в серванте в комнате, и какой диван, и какой висит на стене ковер и чеканка... **И оттого, что ты заглянул в это окно, и от этого знания... становится так... скучно.** Ну, как если бы взять пыль, которая валиками собирается в труднодоступных

углах под кроватью, и набить ею рот... и так жить. Жить. Родина предала.... Но мы Родину не предали..., мы ее защищали... постоянно... (курсив наш. – А.Г.) (Е. Гришковец “Как я съел собаку”).

В данном тексте создается образ беспросветности, обманутости простого человека, заштампованности и застоя, пробуждающий тоску по Родине – более человеческой и конкретной. Родина – это не отвлеченный символ некой общей страны, а глубоко индивидуальное и желанное в душе каждого отдельного человека. В этом фрагменте речи героя проявляются аллюзии с блоковским стихотворением “Фабрика”¹ (использована прямая цитата *окна желты*) и с советским кинохитом “Ирония судьбы, или С легким паром!” (воссоздается ситуация однотипности быта). Невнятность чувства, которое с трудом поддается осознанию, понимаю как “безотчетное”, – это состояние *иконически* выражается серией незаконченных, неразвернутых предложений-высказываний.

Подобные процессы в коммуникации приводят к “затемнению” (возможно, даже вытеснению) свойства линейности знака, а придают характер нелинейности, усиливая недискретные признаки речи.

Подводя итог рассуждениям о нелинейности речи, отметим еще раз, что речь, изначально *многоканальная* (информация в процессе общения поступает от говорящего к реципиенту через слух, зрение, а также обоняние, осязание), в современных условиях отразила в себе *характер*

¹ В соседнем доме окна желты.

По вечерам – по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене – а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу все с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели
А. Блок “Фабрика” (24 ноября 1903 г.)

мультимедийности (актуализированный техническими средствами) как функциональное свойство речи.

Литература

1. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1977.
2. *Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. – М., 1975.
3. Терминологический словарь по синергетике / Авт. сост. Н.М. Калинина. – Бишкек, 2003.
4. *Моисеев А.И.* На путях к постлингвистике // Мир русского слова. – 2002. – № 3.
5. *Нишанов В.К.* Феномен понимания: Когнитивный анализ / Отв. ред. А.А. Брудный. – Фрунзе, 1990.
6. *Черниговская Т.В., Деглин В.Л.* Метафорическое и силлогистическое мышление как проявления функциональной асимметрии мозга // Семиотика пространства и пространство семиотики: Труды по знаковым системам-19. – Тарту, 1986.
7. *Лаенко Л.В.* Категория ментальной репрезентации: результаты теоретического и методологического поиска // Вестник Воронежского ГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007 – № 1.
8. *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. – М., 1982.
9. *Чейф У.* Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике – XII: Прикладная лингвистика / Под ред. Б.Ю. Городецкого. – М., 1983.
10. *Иванов Вяч. Вс.* Насколько линейна реализация фонем в речи? Психофонетика и письмо // Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. – М., 2004.
11. *Гореликов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики: Учеб. пособие. – М., 2001.
12. *Звегинцев В.А.* Теоретическая и прикладная лингвистика. – М., 1967.
13. *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей “смысл – текст”. – М., 1974.
14. *Анисимова Е.Е.* Лингвистика и межкультурная коммуникация: на материале креолизованных текстов. – М., 2003.
15. *Полубиченко Л.В., Донская М.М.* Семиотика вербального и невербального в мультимедийном рекламном дискурсе // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 2.
16. *Гатина А.Э.* Феномен избыточности как свойство иконической структуры сложного знака // XXI век – век межкультурного диалога, духовного возрождения на евразийском пространстве: Международный форум, посвященный 125-летию Российского образования в Кыргызстане: В 4 т. Т. 1–2. – Бишкек, 2006.